

К84.09(=495)6
Ж173
К-44230

"ВУЧАХ" ХАҢАТ КАЛАРАМЕ

К84.09(=495)6
Ж173

ЧАВАШ
ЛИТЕРАТУРИН
АНТОЛОГИЙЕ

ШУПАШКАР
1992

Чемоданное
настроение

Николай Жирнов

Рассказ

Стоял весенний месяц май. После холодной зимы все кругом оживилось. Погода на редкость ясная, своей теплотой обогревала вокруг. Природа радовала необыкновенной зеленой красотой, пеннем птиц. Земля, казалось, ожила.

По дороге шла рота с песней, направляясь после обеда на отдых. Сбоку шел старшина, прапорщик Хакимов, громко командовал:

— Отставить песню, рота, стой, напра-во!

Солдаты четко шелкнули сапогами, повернулись к старшине.

— Слушайте меня внимательно! Назначая наряд по охране автопарка Дежурным пойдет сержант Сергеев, дневальными — рядовые Егоров, Семенов, Иванов. По роте: старшим — младший сержант Пискунов, рядовые Гаврилюк, Раков, Попков. Поскольку в связи с демобилизацией солдат пока не хватает людей, нашей технической роте придется выставлять караул вместо стрелковой, они пойдут на кухню, в караул, разводящим — старший сержант Денисенко, часовыми — рядовые Коровин, Корольков, Степанов. Вопросы есть!

В ответ — тишина.

В казарму, кроме назначенного наряда, никому не входить, нечего пыль таскать. Через пол-часа пойдете в автопарк и к кому куда, там дальше укажут заместители командиров взводов. Все ясно!

— Так точно!

— Рота, разойдись!

Плотно стоявшие в строю солдаты рассыпались как горох.

Я направился в угол палисадика, где росли маленькие елки. Там расположились Карасев и Перепрыгин. Издалека видно как Карасев подшучивал над Перепрыгиным. Странно, но они никогда серьезно не ругались между собой, прекрасно дружили. Каждый по своему необычный, особенно Карасев. За обедом почему-то не ел первого, только кашу и третье, а мясо вообще видеть не мог, отдавал свою порцию кому-нибудь из ребят в обмен на компот. Однажды я спросил его.

— Почему не ешь мясо!

Он ответил неохотно, отвернув лицо в сторону.

— Насмотрелся на мясокомбинате, лет на десять насытился.

Об этом еще спрашивали многие, но Карасев остальным ничего не отвечал, просто делал улыбку. Но я понимал, он от хорошей жизни бесится, у нас в роте как Карасев по 500 рублей никто не получал. Карасев выделялся своим видом, его можно было узнать даже издалека по длинным, торчащим в сторону, ушам. На вид выглядел здоровым, а на турнике так ни разу и не смог подтянуться до самого конца службы, висел как мешок. Карасев всячески старался избежать зарядки, находил сто причин, только бы не заниматься. Раз даже умудрился оставаться уборщиком на несколько дней подряд, но его вовремя раскусил зам-взвода Пастухов.

Перепрыгин был из Красноярска, но сибиряком его не назовешь. Всегда вялый с полужакрытыми глазами, плохо бегаёт и плетется сзади роты. Зато голова его соображала отлично, за словом он в карман не лез.

Я подошел к ним, сел. Повернувшись ко мне, Карасев сообщил:

— Слышишь, Ширшов, после обеда к нам прибудет пополнение из учебного батальона, молодые шофера. Комроты Лыков сказал: пляши!

— Вот наконец, дождался свою замену,— подумал я про себя.

— Как ты узнал об этом!

— Мы с ротным ездили в город по делам, там он проговорился.

Хотел Перепрыгин что-то сказать, но Карасев не дал ему рта раскрыть.

— А ты, Перепрыгин, еще после нас будешь дослуживать неделю за грубое нарушение дисциплины,— шелкнул он ему указательным пальцем по носу. Этим, наверное, хотел разозлить его.

Действительно, числился за ним грешок. В начале месяца Перепрыгин на

ПРОВЕРЕНО

20/р

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

K-44230

своей машине умудрился привезти литр водки. У дежурки старшина обнаружил контрабанду. Прапорщик Хакимов построил роту и перед всеми сказал:

— Перепрыгин, вот пей, насыться: этого ты хотел.

Он взял бутылки за горлышко и разбил, а Перепрыгина заставил убрать осколки.

Старшина рассердился не на шутку и заставил пробежать все три километра. Заодно случай считался в батальоне большим ЧП. А Перепрыгина наказали строго по всем статьям.

Наш разговор прервали криком: «Почта»: и мы, как загнипнотизированные, повернули головы. Около батальонного почтальона образовался большой круг, окружили его все три роты.

Я не ждал писем. Последнее время писал близким, что скоро должен уволиться в запас, но все равно по старой привычке, нет-нет да поглядывал в сторону почтальона. Настало время, скоро придется попрощаться совсеми, с кем два года ели с одного котелка. На этой неделе расставался с Петровым. Долго смотрели друг на друга в последний раз тоскливыми глазами.

С Петровым мы начинали служить в этом батальоне с первых дней. Прибыл он после «учебки», я тоже с учбата. На практике он сразу показал свое мастерство, электростанция работала у Петрова без перебоев, Я на машине обычно возил его станцию на учение, или куда вызывали по приказу командира части. Наше отделение полностью обслуживало вместе с Петровым станцию. За два года нас крепко сдружила армейская служба, повсюду ходили вдвоем. Петров нравился за доброту, за хорошее отношение к людям. Всегда смотрел на все справедливо. Говорил он очень быстро, получалось очень смешно, мог часами болтать без отдыха, не уставая.

Один случай нас сблизил еще больше.

Однажды ротный срочно выписал мне путевой лист — нужно немедленно выехать в рейс. Командир увидел, что мои брюки без стрелок и приказал:

— Даю три минуты, чтоб был готов!

Я побежал в помещение, там у ребят попросил пятаки. Зажав две монеты между пальцами, сильно прижимая, выгладил стрелки. Когда солдаты торопились, обычно всегда делали так. У зеркала привел себя в порядок. Капитан Лыков выехал из бокса на моей машине и подкатил к дежурке. Что-то зашнпело в машине, она не могла остановиться, передним буфером стукнула прямо в домик дежурного. Вылез из кабины ротный весь бледный, как мел, никогда не приходило видеть его в таком состоянии.

— Почему, Ширшов, подсунул мне неисправную технику!

— Товарищ капитан, тормоза работали нормально.

— Объявляю трое суток ареста.

— Есть!

— На губу поведет старшина роты.

Постоял, подумал немного и добавил:

— А пока делай свою машину.

— Есть!

Я направился к своей машине не понимая, что могло случиться. Нажал на тормозную педаль, раздалось сильное шипение, посмотрел внимательно, где дефект. Оказалось, что у системы распределителя не было патрубка. Увидев меня, ползающим по боксу, Петров спросил:

— Чего ищешь!

— Патрубок потерялся с моей машины.

— Костя, — сказал он, я сегодня утром случайно увидел около твоей машины Карасева, он что-то открывал, увидел меня, дугливо дернулся, потом успокоился, но видно было нечистое и спросил у него: «Почему в чужой машине лазишь!» Он ответил, что Костя разрешил.

— Я ему вообще ничего не говорил.

— Тогда пойдем к командиру роты и все объясним.

Пошли мы с Петровым в канцелярию и подробно доложили, все как было.

Он вызвал к себе Карасева. Тот, сделав невинный вид, наотрез отказался.

Капитан Лыков сказал:

— Если кто из вас врет, тот понесет двойное наказание. Теперь пойдете к машине Карасева, посмотрим на этот патрубок и все выяснится.

Поднял капот сам Карасев, патрубок у распределителя поставлен был недавно, гайка еще блестела от ключа. До Карасева наконец-то дошло, опустил свои bestыкие глаза. Никогда он не следил за своей машиной, и за это у него все помалось.

Кто-то из ребят крикнул мою фамилию:

— Ширшов, тебе письмо!

Оторвавшись от воспоминаний, подумал: «Кто же мог мне написать!»

С большим нетерпением я открыл конверт. От первых радостных слов сразу потеплело на душе, до чего было приятно.

«Здравствуй, братик Костя!»

С горячим приветом к тебе вся наша семья: мама, Аля и я в том числе. Мы все живы, здоровы, того и тебе желаем. С нетерпением ждем, когда ты приедешь домой. Каждый день мама смотрит в окно, надеясь увидеть тебя. Я ей говорю, что ты скоро должен приехать. Твой дружок с опушки, Николаев Толя, уволился в запас. Видела его в клубе, приходил в кино, в Черноречку и спрашивал про тебя.

Помню, провожали на службу тебя 17 мая, два года тому назад, сегодня пишу тебе уже 26 мая. Не знаю, застанет наше письмо или нет! Костя, целуюм тебя и ждем с нетерпением, твои родные».

Повертел в руках конверт, посмотрел, как обычно, на штемпель, было любопытно, какого числа прибыло сюда: стояло 29 мая 1984 года, а сегодня — 30 мая.

В плечо резко толкнул Перепрыгин.

— Замечтался, Костя, не слышишь, рота строится.

Я положил письмо во внутренний карман гимнастерки, ближе к сердцу.

Бегом, еле успел в строй, встал последним.

Ротой командовал молодой сержант Сняжков, он заменял старшину, прапорщик Хакимов остался в казарме. Сняжков еще не привыкший командовать ротой, вел себя очень скованно. Он изо всех старался не показывать, что робеет, озирался по сторонам, все ли нормально! Строем подошли к нашему автопарку, второму нашему дому после казармы. Дневальный заранее открыл ворота, чтобы сержант Сняжков увидел, что возле дежурной будки на крыльце стояли капитан Лыков и замполит роты Токмаков.

Все-таки заметив их, сержант Сняжков подал команду.

— Рота, смирно, равнение на право!

Командир роты махнул рукой:

— Волюно! Занимайтесь своими делами.

Заместители командиров взводов начали распределять нас по своим рабочим местам. У нас теперь вместо Пастухова, замом Сняжков, дает команду.

— Ширшов, ты сегодня не поедешь на линию, готовь машину.

Значит, Карасев говорил правду. Командиры скрывали от подчиненных, не хотят раньше времени говорить. Я радостный, направился в бокс к своей технике. С кузова взял ведро, с бака слил солярку. Тщательно протер тряпкой, промыл двигатель от грязи и масла, работал с настроением, насистывал. Сам не заметил, как через некоторое время моя машина преобразилась до неузнаваемости. Отойдя в сторону, залюбовался ею. От солярки блестела машина, выглядела как новенькая.

В нашем взводе осталось двое старослужащих, остальные были без машин, потому давно уехали домой. Следом заявился Карасев, мы с ним не больно-то разговаривали после того случая. В тот день, командир роты объявил ему трое суток гаупвахты. Просидев на губе, Карасев вроде немного изменился в лучшую сторону, начал чаще ухаживать за своей машиной. Наверное, дошло! А когда во взводе остались вдвоем, чаще велись между нами разговоры. Карасев бегал

вокруг совей машины очень быстро, у него все выходило. Все, кто увидит, незнакомый человек, рассмеется над ним, но я привыкший, не замечал.

Когда я все сделал, Карасев махнул рукой, приоткрыв дверцу, крикнул:

— Костя, давай посидим!

К нему все равно была какая-то неприязнь, но чтобы его не обидеть, тщательно вытерев руки сухой тряпкой, направился к нему, молча сел на сиденье. Карасев как будто из глубины земли выдавил слабый голос:

— Костя, прости за тот патрубок, я в то время спросил у дежурного, он сказал, что ты не выезжаешь на линию, для убедительности посмотрел в журнал, на тебя не было выписано путевого листа. Решил побыстрому открутить патрубок и съездить куда надо, а после его поставить на место, но оказалось, что и тебя срочно вызвали в рейс. Вот как в жизни получается, думаешь так, а выходит наоборот.

Сидели молча, вышла неприятная пауза, становилось неудобно обоим. Я решил изменить тему разговора на веселый тон, который нас в настоящее время затрагивает, это — чехоиданное настроение.

— Все ли готово к дембелю!

— Да.

— Да.

— Альбом подготовил!

— Вчера наклеил последний листок фотографий, а на обложке приклеил вырезку из газеты, приказ министра обороны, с автографами старослужащих на память. А ты, Ширшов!

— У меня давно приготовлено, аккуратно лежит в портфеле, в каптерке.

Из кабины видно обзорно, как из ворот выглянула голова сержанта Сняжкова, он зашагал в сторону своей машины. Поднявшись на подножку, взглянув во внутрь, обошел круг, высматривал по сторонам. Поняв его взгляд и поведение, что ищет нас, торопясь вышли из машины. Он, заметив нас, подбежал к нам.

— Где вы ходите, Ширшов и Карасев, вас ищут.

По выражению лица Сняжкова, понял, что нас он ищет по вопросу увольнения.

— Пойдемте побыстрее, для замены вашего призыва привели молодых солдат в роту, и в ваш взвод, только успели распределить.

Еле догнали сержанта Сняжкова, настигли в дверях своего помещения, За столом перед дверями, спиной к нам расположился наш командир взвода Рахимов. А в углу за последним столом у окна сидели двое незнакомых и молча смотрели на нас с любопытством. Мы хотели было, открыв рот, доложить: «Прибыли по вашему приказанию, но он махнул рукой:

— Вот зачем вызвал я вас. Пришла замена, начнем принимать по всей строгости ваши машины.

Как заходишь в бокс, наверху, на проволоке, висят таблички номеров машин. Взялись проверять с моей, она была самая первая. Рахимов открыл капот, внимательно осмотрел двигатель.

— Ширшов, заводи машину.

Я залез в кабину, включил зажигание, несколько раз нажал на газовую педаль, подкачал бензину, слегка прикоснулся на стартер, мотор завелся с пол-оборота. Заработал прекрасно, без всякого постороннего шума, как будто исполнил какую-то мелодию. Ходили, заглядывали в каждую дыру, все щупали руками, не шатается ли какой-нибудь болт. Я шел следом за командиром Рахимовым, в душе переживая, держался, не показывая наружу, за что он не брался. Я конечно давно все раз по десять перетянул. Тщательно осмотрел, придраться было не к чему. Рахимов с едва заметной улыбкой молча направился к Карасеву. У него слухом обнаружили, что тормозная система пропускает воздух.

Закончили просмотр во главе с командиром, опять было видно, что он остался доволен нами, улыбался.

Вручили нам обходные, подписанные командиром роты и замполитом. Мы заодно протянули их подписаться командиру взвода за сдачу машин. За день пришлось обойти всех, у кого нужно взять роспись в листке. Ребята шутя называли их «бегунки». Особенно строго принимал старшина, автомат и противогаз, дал понять что такое бегунок. Придирался к каждому грязному пятну. Закончилось тем, когда все подписали и вместе с военным билетом отнесли под печать в канцелярию: уволен в запас.

В казарме Карасева не было, ушел в другую роту к земляку. Я устроился в углу как обычно у шинелей рядом со своей кроватью. В голову лезли мысли о прошедших днях своей службы. Сравнивая теперешнюю, становится смешно. Даже сейчас помню как на духу. Первый день привезли нас тогда в гарнизон, совсем молодых, безусых юнцов, с интересом и любопытством рассматривали вокруг. Говорили, что больше не нужно одежды, начали баловаться и рвать друг на друге за карман или рукав. Капитан, который был с нами, объяснял:

— Кто хочет выслать одежду домой, соберите аккуратно в узелок. Но не нашлось ни одного человека. Повели в баню, помылись, стали одевать военную форму. Не знали, как намотать портянки на ноги. Поставленный старшим к нам сержант несколько раз показывал, подойдя, помогая, спокойно объяснял кому непонятно. Нас было просто не узнать после гражданской одежды. Некоторым досталась больших размеров, выглядели как клоуны. Но сержант успокоил их.

— Сменим при первой же возможности.

На другое утро дали команду:

— Подъем!

Мы лежим спокойно, через некоторое время начали одеваться, двигались как сонные мухи, привыкшие вдоволь спать дома, не хотелось вставать рано, копошились очень долго, не могли одеть сапоги. Сержант стал подымать нас до тех пор, пока не научились нормально и дружно собираться. Вот так начинались дни моей солдатской службы. За два года пришлось ходить и дневальным по роте, и по автопарку в караул часовым. Закрутилось колесо, закалялась армейская выдержка. Бывало, на гражданке призывником смотрел на жизнь сверху, сейчас много изменилось в моей жизни, старался поглубже заглянуть в нее и понять ее мотив. В характере появилась более сдержанность, здоровье окрепло, на теле играли мускулы, по себе чувствовал, раньше двухпудовку подымал еле-еле раз, а сейчас — много раз. Мои мысли прервали крик.

— Рота, стройся на вечернюю прогулку!

На улице было свежо, в нос ударил ароматный запах цветов с клумбы. Дышалось хорошо всей грудью. Ночи в радость в нем стали потеплей. Рота наша вышла без пилоток. Командовал старшина Хакимов веселой задоркой. Напелись от души, с прекрасным настроением зашли в казарму, строиться на вечернюю проверку. Старшина роты читал по списку, нет да нет и пропустит некоторые фамилии, которые успели увольняться.

За них кто-нибудь из солдат крикнет.

— Ушел в запас!

Еще не успели зачеркнуть инициалы и написать новый список.

Подошла моя очередь.

— Рядовой Ширшов!

— Я! — ответил громко, последний раз здесь за себя.

Лежу, не спится. Явился Карасев, посмотрел на меня удивительно, заговорил.

— Личная жизнь у меня не удалась. До армии ухаживал за одной девушкой, звали ее Таней, Дружили хорошо, бывало частенько ходили в ресторан, проводили время беззаботно. Покупал ей всякие вещи что не пожелает, например шубу, сапожки, обручальное кольцо. Она отвечала ласками, показывая свою привязанность. Когда забирали на службу, она обещала ждать все два года. Сюда присылали деньги по триста рублей из дома родители. Сам прекрасно понимаешь, мне здесь девать некуда финансы. Все старался для Тани, бежал в магазин военторга, покупал ей разные импортные вещи. На тебе, ошарашила, недавно прислала

письмо, вышла замуж за другого год тому назад, говорит нашла по себе человека и просит чтоб не приходил к ним и не травмировал их жизнь. Вот самое главное обидно, ведь после свадьбы она безотказно принимала все подарки мои и сколько времени молчала.

Рассказ Карасева меня тоже взволновал. Когда он удалился к своей койке, я вынул из левого кармана дорогую мне фотографию, хранившуюся около своего сердца, решил еще раз посмотреть, хотя помнил все черты ее наизусть. На меня смотрела девушка как живая, отраженная ночным светом, с большими грустными глазами. Внизу под фоткой лежало ее последнее письмо, выученное мной наизусть.

«Здравствуй, дорогой Костик! Все живу и не дожжду тебя, мой дорогой, мне кажется не будет конца нашей разлуке. Каждый день бегаю к вам домой, надеясь увидеть тебя, чтобы успокоить душу. Костя ты пишешь, что я на фотографии худая, чего поделаешь, если так сильно скучаю по тебе. Я бы много еще написала, но поверь, не будет конца. Скорей возвращайся, тогда наговоримся досыта, а нам есть что сказать друг другу. Больше не буду писать, до встречи».

Еще раз внимательно посмотрел на фотографию, поцеловал в губы, спрятал подальше в свой карман, застегнув пуговицу, боясь что потеряю. В темноте нащупал свободную табуретку, не спеша раздевался, складывая аккуратно воротничком наверх военную форму. Лег в белоснежную постель, от простыней пахло свежестью, но телом ощущал сырость. Полежав на одном боку устал, перевернулся на другую сторону, сон все не шел. Думал про себя, что сейчас засну, но мои мысли не давали покоя.

Раздался осторожный шум шагов, к соседней кровати подошел разводящий старший сержант Денисенко, будил караульного. Спали часовые в казарме, через каждые два часа менялись. Проснулся рядовой Степанов без звука молча, выработано службой четкое выполнение. Время наверно час ночи. Пора спать, подумал про себя. Закрывал веки, но из этого ничего не получалось. Чтобы уснуть, обычно делал так, когда долго не шел сон, начинал про себя шептать, ныли пятки и чувствовал усталость, повторял до тех пор, пока не засыпал. Утром разбудил скрип кровати, солдаты ворочались, предчувствуя скорого подъема. Прямо в глаза падал утренний свет из окон, солнечные лучи еще холодные, не нагрелись.

На другой день Карасев мне сказал:

— Послушай, Ширшов, я так привык, мне даже временами кажется, что и вечно служил бы. Сейчас помнится отчетливо каждый день своей службы. Вот расстанемся, буду всю жизнь вспоминать. Плохо спалось, а сон приснился приятный, видел свой родной дом и ребят, с кем провел детство.

Последнее время Карасев относился ко мне с душой. Установилось между нами нормальная атмосфера. Издали заметил Перепрыгина, он торопился к нам. Карасев набросился на него.

— Где пропадал!

— Ездил в рейс!

— Я то переживал, все думал, что не смогу с тобой проститься.

— Давай меняться адресами.

Заодно и я вытащил свою записную книжку, здесь было записано много адресов, последний была Петрова, он жил в Новгороде. Рядом написал Карасева из Нижнего, а за ним Красноярск, родиной Перепрыгина. Карасев сегодня не шутил с Перепрыгиным, разговаривал серьезно. Со стороны наблюдать за ними было смешно, всегда видел их задорными и веселыми.

— Карасев, ты не беспокойся, я дослужу и приеду к себе домой, вместе полетим ко мне в Сибирь.

Кругом суетились, гудели как пчелы. Еле услышали голос дневального:

— Выходите рядовые Карасев и Ширшов!

Мы как ужаленные заторопились к выходу. У дверей возле тумбочки нас ждал батальонный писарь.

42

— Идите, ваши документы лежат у начальника штаба, он хочет сам лично вручить их.

Поднялись с Карасевым на этаж выше, где находилась канцелярия. Постучав в дверь, я спросил:

— Можно войти?

Посреди комнаты стоял капитан о чем-то задумавшись. Увидев нас немного растерялся, кивнув головой и ответил.

— Входите, увольняющиеся в запас, мне всегда просто приятно, вот так вручать военные билеты.

Подошел к нам, от души пожал нам руки.

Получили на последок в финчасти по 10 рублей на дорогу. Спустились на свой этаж, в казарме уже было пусто. Убирались дневальные по роте, наводили порядок. Взяли с Карасевым портфели, я подошел к своей кровати. Она ничем не отличалась от других, заправлена таким же серым одеялом, но мне казалось такой родной, очень привыкший за два года, дававший сон и покой, так жалко расставаться. Направились вниз, я последний раз обернулся на свою казарму, внутри щемило, ноги несли сами. Наш батальон стоял на плацу, ждали, когда вынесут знамя. Подошли к своей роте, с ходу начали прощаться с ребятами, как с родными братьями. Все обнимали и отпускали нас с грустью.

Национальная библиотека ЧР

к-044230

Николай Трофимович Жирнов родился в Ибресях Чувашской Республики 3 февраля 1954 года. Учился в школе. Работал в мастерской «Сельхозтехники». Служил в дивизии имени Дзержинского.

В настоящее время он работает бригадиром камнетесов на стройке. Живет в Чебоксарах.

Редактор Кузьмин В. П. Художник Агеев В. И. Технический редактор Михайлов В. М. Корректор Л. Г. Чермакова
Тираж 2000 экземпляров. Цена договорная. Заказ № 1965.